

]

— А, — Цинь Фан поставил бутылку на обеденный стол. — Готово. А где Сы Ту?

— Ушел за креветками, — ответил Хань Сяогун.

На излете октября — начале ноября на севере уже по-настоящему холодало. Выходя из дома, Цинь Фан то и дело кутался в плотную куртку или толстовку с капюшоном. Сы Ту же, казалось, мерз еще сильнее — он одевался так, словно зима уже вступила в свои права.

Он вошел, отпер дверь, увидел, что Цинь Фан уже на месте, и приветливо ему улыбнулся.

Цинь Фан поднялся, принял у него пакеты и унес их на кухню. Заметив, что вид у Сы Ту неважный, он спросил:

— Тоже простудился?

— Нет, — отозвался Сы Ту, направляясь в спальню переодеться. — Просто как только холодает, со мной всегда так.

В этот раз собрались почти все: чуть позже подтянулись Син Янь и Чжоу Сымин. Увидев Цинь Фана, Син Янь даже удивился:

— Разве ты не собирался куда-то развлекаться?

— Сы Ту позвал, — Цинь Фан придвинулся ближе к краю дивана. — Вот я и приехал пораньше.

Син Янь молча опустился рядом, но больше ничего не сказал. Каждый остался при своих мыслях.

С начала семестра Цинь Фан видел Чжоу Сымина впервые, и тот заметно похудел. Раз уж собрались такой полной компанией, значит, повод был явно не из рядовых.

Цинь Фан тихо спросил Син Яня:

— Чей сегодня день рождения? Или какой-то другой праздник?

— У Сы Ту, — ответил Син Янь.

— Правда? — Цинь Фан моргнул. — А... почему ты мне заранее не сказал?

— Я не думал, что он позовет тебя, — объяснил Син Янь. — Ты сказал, что уедешь отдыхать, я и решил, что тебя не будет.

Они сидели, склонив головы друг к другу и перешептываясь. Вроде бы ничего особенного не обсуждали, но со стороны эта сцена выглядела куда доверительнее, чем общение с кем-либо другим.

В комнате было прохладно, и Хань Сяогун натянул свитер с высоким горлом. Выйдя из спальни, он увидел, что парочка на диване все еще о чем-то шепчется. Он усмехнулся:

— О чем секретничаете? Почему бы вам просто не написать друг другу в WeChat?

Цинь Фан потянулся за телефоном и решил подыграть:

— Давай, брат Янь, пиши в WeChat.

Син Янь подшучивать не стал и оставил их выпад без внимания.

Цинь Фан был удивлен, что Сы Ту его позвал. Но, впрочем, ничего странного в этом не было: та неловкость, что когда-то между ними возникла, давно испарилась, став далеким прошлым.

К ужину все разлили по бокалам — кроме Цинь Фана. Когда он хотел налить себе, Син Янь жестом остановил его, прикрыв бокал рукой:

— За рулем лучше не надо.

Это был лишь предлог, чтобы избавить его от алкоголя. Цинь Фан хотел было покачать головой, мол, ничего страшного, но, встретившись взглядом с Син Янем, снова услышал:

— За рулем не пьют.

Цинь Фан послушно отставил бокал — в сущности, он и сам не особо хотел пить.

Хань Сяогун заварил ему чай и пододвинул чашку поближе. Цинь Фан налил себе, чокнулся с Сы Ту и произнес:

— С днем рождения. Желаю мира и спокойствия на долгие годы.

Сы Ту улыбнулся:

— Спасибо.

В этот вечер царила на редкость теплая атмосфера. Хотя, может, «теплая» — не совсем верное слово, оно как-то странно сочеталось с этими людьми. Но было действительно уютно. Сы Ту рассказал немало историй из их общего прошлого.

Цинь Фан раньше об этом не слышал — о временах, когда они были моложе, о детстве Син Яня.

Свет над обеденным столом был приглушенным, теплым. Хань Сяогун сделал несколько снимков, а Сы Ту, глядя на него, сказал:

— Раньше я больше всего волновался за Сяогуна. У Яня и Сымина всегда были отличные оценки, и только у него ничего не ладилось. И в учебе слаб, и драться не умел. У него было только красивое лицо, но когда нет сил себя защитить, то, насколько ты хорош собой, становится лишь тяжелым бременем.

Хань Сяогун вскинул брови и усмехнулся:

— Зато теперь и лицо кормит, разве плохо?

— М-м, неплохо, — кивнул Сы Ту.

— У нас с Янем дни рождения почти рядом, с разницей всего в неделю. Раньше мы просто выбирали день посередине и праздновали вместе, — Сы Ту после выпитого стал чуть рассеянным, глаза подернулись влагой, но взгляд при воспоминаниях оставался теплым. — А потом он перестал праздновать. Сказал, что это скучно.

Цинь Фан до этого момента слушал очень внимательно, но тут его мысли сбились. Он

посмотрел на Син Яня и спросил:

— Значит, у тебя день рождения через неделю? Только не говори, что он уже прошел.

— Нет, — ответил за него Хань Сяогун, — на следующей неделе.

Цинь Фан вопросительно приподнял бровь, глядя на Син Яня, и тот коротко кивнул.

Цинь Фан принял информацию к сведению, но через минуту не удержался:

— Почему ты сам молчишь? Настоящий бука.

Син Янь в ответ на упрек промолчал. Он действительно не собирался рассказывать, да и не помнил особо. Столько лет прошло с тех пор, как он перестал отмечать свой день рождения. Если бы не Сы Ту, Син Янь бы совсем о нем забыл.

Хань Сяогун заступился за друга. Он сделал маленький глоток вина, усмехнулся и произнес:

— Праздновать день рождения — это слишком... по-человечески. А у нас человеческого мало. Поэтому мы празднуем только день рождения Сы Ту. Единственное проявление человечности — это он.

Сказано это было настолько прямолинейно, что Цинь Фан не нашелся, что ответить.

— Жить и так тяжело, — Хань Сяогун поджал ноги, сидя на стуле, обхватил колени руками и покачал бокал. — Мы презираем мир, ненавидим свою жизнь, а в минуты отчаяния — и самих себя. Поэтому мы не справляем дни рождения. Мы ненавидим этот день.

Слова его могли показаться радикальными, но если ты сам не жил их жизнью, то не тебе судить, прав он или нет. Ты не другой человек, тебе не знать, как тяжело бывает просто продолжать существовать день за днем.

— Если бы не Сы Ту, мы бы, наверное, давно разбрелись кто куда, — Хань Сяогун снова приложился к бокалу, посмотрел на Сы Ту и добавил: — Он наше ядро. Потому что в нем еще жива человечность. Он больше похож на человека, чем мы все вместе взятые.

Когда он говорил, никто не проронил ни звука. Цинь Фан слушал, остальные, похоже, молча соглашались. Хань Сяогун обычно не был таким разговорчивым, видимо, воспоминания, начатые Сы Ту, располагали к откровенности.

— Поэтому мы никогда не пропускаем его день рождения, — Хань Сяогун поднял бокал, чокнулся с Сы Ту, и все остальные последовали его примеру. Хань Сяогун посмотрел на именинника: — Мы ненавидим то, что живем, но спасибо тебе за то, что ты есть.

— Неужели я настолько важен? — Сы Ту рассмеялся, и у уголков его глаз пролегли лучики морщинок — не от возраста, а от привычки часто улыбаться. Он допил вино и добавил: — Ну, раз так, то я не буду скромничать.

Все было в точности так, как сказал Хань Сяогун. Цинь Фан и сам прочувствовал: Сы Ту — их центр притяжения. Только потому, что Сы Ту укачивает в самолетах, все они ездят на высокоскоростных поездах. Только потому, что кто-то посягнул на «владения» Сы Ту, Чжоу Сымин, пылая гневом, бросался вершить возмездие, а потом все они собирались здесь, в квартире Сы Ту, чтобы вместе поужинать. Никто другой не удостоился бы такого внимания —

обычно каждый жил в своем коконе, и лишь присутствие Сы Ту заставляло этих людей стать чуточку мягче.

После ужина они еще немного посидели, поговорили, а затем Чжоу Сымин ушел. Цинь Фан повез Син Яня домой. Тот почти не пил, и даже дыхание его было чистым.

В машине не стали включать обогрев — Цинь Фан боялся, что Син Яню после алкоголя будет душно, а легкая прохлада самому казалась приятной. Он спросил:

— Тебе не холодно?

Син Янь покачал головой.

Больше они не проронили ни слова, в машине царил тишина. Когда автомобиль остановился у общежития Син Яня, тот вышел, и Цинь Фан бросил ему вслед:

— Спокойной ночи, брат Янь.

Син Янь едва заметно кивнул, коротко взмахнул пальцами у виска в знак прощания и зашагал прочь.

Цинь Фан посмотрел ему вслед и улыбнулся. В каком бы возрасте они ни были, Син Янь оставался прежним — в нем всегда чувствовался внутренний стержень, крутой и беспечный.

С момента собственного дня рождения прошел всего месяц, и дата Син Яня подкралась совсем близко — если бы не Сы Ту, Цинь Фан едва не пропустил бы ее.

На следующий же день после того, как он узнал правду, Цинь Фан взялся за дело. Первый же звонок был Чэн Дуну. Два дня уговоров — и Цинь Фан даже выбрался из университета, прихватив с собой Хуа Туна, чтобы отправиться на грабеж.

Они настигли Чэн Дуна в небольшой кофейне при его вузе. Хуа Тун навалился на его плечи, а Цинь Фан произнес:

— Давай без лишних слов, просто сделай мне одолжение.

— Братцы, вы же занимаетесь чистым грабежом... — Чэн Дун, усмехаясь, потянулся к телефону. — Может, мне позвать на помощь?

— Дун, — Хуа Тун выхватил у него телефон, — ты что, до сих пор не понял обстановку? Сегодня ты отдашь по-хорошему, либо по-плохому, иначе братья Хайэр из университета с тебя просто так не отпустят.

— Бандиты? Разбойники? — Чэн Дун прикрыл лицо ладонью. — Брат Фан, я ведь теперь тебя братом зову! Я ведь три месяца этого ждал!

<http://bllate.org/book/18141/1744625>